

Система координат

Coordinate System / Koordinatensystem

УДК 327

Ходаковский Е.А.

Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности

E-mail: khodakovsky@bk.ru

Многообразие проблем развития и безопасности, их противоречивость и взаимосвязанность проявляются в истории различных государств и народов, социальных групп, жизни каждого человека. Указанные проблемы обладают фундаментальным характером, определяемым глубинными смысловыми основаниями эволюции человечества. Поэтому для их постижения необходимо выработать комплексный, междисциплинарный инструментарий исследования, основные положения и ключевые категории которого рассматриваются автором в рамках гецивилизационного подхода.

Ключевые слова: гецивилизация, государство-цивилизация, империя-цивилизация, цивилизация-регион, безопасность, обеспечение безопасности, модернизация, политика безопасности, гецивилизационная безопасность.

Сколько погибло цивилизаций, потому что в свое время не было хороших критиков.

А.П. Чехов

Выбор направления движения начинается, как правило, с ориентирования на местности. Нужно определить стороны света, найти приметные объекты по соседству и обозначить свое месторасположение на карте. Казалось бы, все просто. И это действительно так, если есть хороший обзор и карта под рукой. Но, к сожалению, подобного рода навыки не столь легко применимы в общественной жизни, в таких сферах, например, как политика, экономика, идеология: политическая карта даже во время ориентирования может кардинально изменить свои очертания, экономические теории уводят в дебри деривативов, в которых заплутали даже лауреаты Нобелевской премии, ну а в зыбком идеологическом тумане зачастую путешественник и самого себя рассмотреть не может...

Четкие, объективные ориентиры и надежные средства разрешения современных проблем могли быть разработаны в системе научного знания, но сложность ситуации усугубляется усилившейся в последнее столетие специализацией научных направлений, разобщенностью естественных, социогуманитарных и технических наук. Предшествующая «аналитическая эпоха» интеллектуальной эволюции оказалась неспособной разрешить проблемы синтетического характера.

Человечество, пребывающее на стадии «расщепленности сознания», столкнулось с «всеединством проблем». Все меньше остается времени для преодоления «шизофренизации» человечества: *необходимо выработать инструментарий выявления глубинного смыслового уровня бытия, сохранения цельности личностного и общественного сознания вопреки обостряющимся процессам хаотизации социальной действительности.*

Гецивилизационная система координат

Всякая мысль, по существу своему, есть как бы палка, на которую человек опирается в борьбе с окружающей действительностью и с самим собой. Мыслью определяются его внутренние и внешние отношения, и в этом заключается великое, творческое значение теории.

К.Д. Кавелин

Первоначальный период исторического развития человечества характеризуется формированием локальных социально-политических общностей. Древнейшие цивилизации Междуречья, Египта, Индии и Китая стали источником формирования традиций и ценностей, не утративших свою актуальность и в настоящее время. Но даже в период расцвета этих локальных

Ходаковский Е.А. Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

цивилизаций взаимодействие между ними отсутствовало или было незначительным. В сложившихся в то время условиях начинают создаваться несколько самобытных культурно-исторических традиций, оказавших определяющее воздействие на формирование облика множества современных локальных и региональных социально-политических систем.

В последующем это обстоятельство отложило свой отпечаток на представление об особенностях развития человечества: «С эпохи Г.В.Ф. Гегеля казалось очевидным, что развитие цивилизации шло через древнюю Иудею, Элладу, Рим и нашло свое завершение в Западной романо-германской Европе, окруженной «неисторическими» или «отсталыми» народами. Аналогично мыслили китайские историки, с тем лишь исключением, что центром цивилизации они считали Среднюю равнину, отгородившуюся от Великой степи «Длинной стеной». В Южной Азии полуостров Индия, прикрытая с севера Гималаями, с запада пустынями Белуджистана, а с востока непроходимыми джунглями, рассматривалась учеными браминами как единственная страна, достойная внимания...» [Гумилев 2002, с. 5].

Эпоха Великих географических открытий послужила началом преодоления замкнутости локальных социально-политических общностей, их объединения в региональные системы, которые в свою очередь постепенно интегрировались в систему высшего порядка — гецивилизацию [Ходаковский 2002, с. 82].

По своему содержанию понятие «гецивилизация» обозначает единство в многообразии всех социально-политических общностей планеты Земля, соединенных политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями. В гецивилизационном аспекте мир предстает в виде сложной взаимосвязи социально-политических общностей, региональных центров и локальных элементов, разнообразных по характеру, особенностям функционирования, целям и задачам развития, но составляющим единую целостную систему.

Гецивилизационный механизм интеграции объектов общественного бытия представляет собой качественно наивысший уровень социально-политической интеграции, охватывающий как этническую первичную форму воспроизводства человеческой общности на основе общей почвы и крови, так и национальную форму хозяйственно-культурного единства населения сложного урбанизированного общества. Понятие «гецивилизация» позволяет также учитывать, что планетарная экологическая система как «вещающий ландшафт» является одной из основ единства человечества.

Одно из аналитических преимуществ использования категории «гецивилизация» по сравнению с такими терминами, как «мировая цивилизация», «планетарная цивилизация», состоит в том, что удается избежать лексических предпосылок отождествления всей системы с одним из ее компонентов — глобальным уровнем иерархии. Важно учитывать также уже сложившуюся стереотипность употребления указанных понятий: «мировая цивилизация» зачастую приравнивается к совокупности достижений человечества в различных областях и в «идеологизированном» варианте обозначает Запад; «планетарная цивилизация» преимущественно используется в категориальном аппарате исследований космического пространства. Термином «мировые цивилизации» обозначают также цивилизации глобальной значимости [Киселев 2002, с. 261].

В структуре гецивилизации целесообразно выделить локальный, региональный и глобальный уровни. Предпосылкой формирования элементов гецивилизации на локальном уровне является политически самостоятельное (суверенное) развитие соединенных культурными связями общностей на протяжении исторически значимого периода, как правило, в течение нескольких столетий. По мнению основоположника теории цивилизаций Н.Я. Данилевского (1822—1885), «...для возможности зарождения и развития самобытной цивилизации народ и входящие в его состав дробные национальные единицы должны обладать политической независимостью. ...Каждый народ проходит в своем развитии три состояния...» одно из которых, предшествующее формированию локальной цивилизационной идентичности, «...характеризуется построением государства, способного ограждать его политическую независимость...» [Данилевский 1995, с. 94, 110].

Статус государства как необходимого элемента цивилизации однозначно подчеркивается Данилевским: «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности...» [Данилевский 1995, с. 94, 116]. В дальнейшем развитии подсистем гецивилизации государство играет ключевую роль: сохраняя историческую преемственность в различных сферах, оно позволяет локальной цивилизации адекватно реагировать на изменения ее элементов и среды.

Понятие государства, его сущность неразрывно связаны с духовной культурой. По своему содержанию духовная культура представляет собой систему преемственно развивающихся ценностей, идей и традиций, определяющих идентичность той или иной социальной общности. Зачастую взаимосвязь государства и духовной культуры игнорируется теоретиками и практиками государственного управления, что приводит к тому, что «государство, — по словам И.А. Ильина, — понимается как строй внешней жизни, а не внутренней». Русский философ дал следующее определение государства: «Государство есть организованное духовное единение духовно солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотическою любовью и поддерживающих ее самоотверженною волею» [Ильин 1995, с. 329]. Поскольку сфера духовной культуры отличает человека и все социальные общности, включая государство, от остального биологического мира, то ей отводится одно из ведущих мест в изучении проблем развития и безопасности государства.

При этом целесообразно учитывать, что научное понятие государства, как подчеркивал М. Вебер, является синтезом, создаваемым для определенных интересов познания. Государство является одним из фундаментальных институтов жизнедеятельности человека как общественного существа. В основе государства лежит стремление к достижению стабильности внутреннего и внешнего мира.

В античности и средневековье жизнь и мирозерцание людей характеризовались целостностью и нерасчлененно-

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

стью на отдельные сферы и само государство отождествлялось с человеческим сообществом в целом. Смысл государства не сводился к выражению определенного отдельно взятого экономического, культурного, или иного аспекта существования человеческого сообщества.

Аристотель в «Политике» утверждал, что человек есть существо политическое и жизнь государственная есть все для него. Цицерон следующим образом характеризовал государство: «...Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [Цицерон 1994, с. 9–10].

У Макиавелли, Гобса, Руссо государство предстает источником нравственной жизни людей. Кант высшей целью истории провозглашает объединение всего человечества под господством единого и равного для всех права.

У Гегеля эта идея выражается в представлении о государстве, как о действительности нравственной идеи на Земле: «Государственное устройство народа образует единую субстанцию, единый дух с его религией, с его искусством и философией или по крайней мере с его представлениями и мыслями, с его культурой вообще (не говоря о дальнейших внешних факторах, о климате, соседях, положении в мире). Государство есть индивидуальное целое, из которого нельзя взять одну отдельную, хотя и в высшей степени важную, сторону...» [Гаджиев 1995, с. 100]. Таким образом, Гегель в развитие предшествующих философских традиций четко сформулировал взаимосвязь государства с основными элементами цивилизации.

Сходные идеи обосновывал Н.Я. Данилевский. Он утверждал, что «...государство есть высшее проявление закона правды и справедливости на земле» [Данилевский 1995, с. 211]. Образование государства является предпосылкой формирования цивилизационной идентификации социальной общности, созидания из «этнографического материала» локальных цивилизаций.

В настоящий период подтверждается познавательная ценность теории многофакторности, которая разрабатывалась в прошлом веке отечественными философами и социологами М.М. Ковалевским, В.И. Сергеевичем, Н.И. Кареевым, П.А. Сорокиным и др. «История человечества не есть внутренне единый процесс, — утверждал Н.И. Кареев (1850—1931), — а совокупность целого ряда параллельных процессов, есть сумма историй отдельных народов, находившихся между собою в многообразных отношениях. Да и в истории каждого отдельного народа проявляется не одна какая-либо движущая сила, а действует великое множество таких сил» [Медушевский 1993, с. 170]. По существу отечественные ученые преодолели монистические трактовки понятия цивилизации и обосновали плюралистическую, многофакторную модель цивилизации, предполагающую учет не одной или нескольких доминант, а всей системы параметров [Колесникова, Борзунов 1992, с. 75].

Данный подход позволяет сделать вывод о том, что каждая цивилизация «...обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусств, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением» [Сорокин 1992, с. 22].

В.О. Ключевский (1841—1911) отмечал, что цивилизация основывается на государстве и церкви как социальных институтах, в компетенцию которых входит внешняя безопасность и внутренний порядок (для государства) и нравственный порядок (для церкви). Во внешней сфере государство играет роль удерживающего, ограждая границы, формы цивилизации и обеспечивая развитие общественных структур и социальных групп.

Духовное единение людей, в значительной степени формирующееся в процессе взаимодействия светских и религиозных структур, оказывает влияние на эволюцию государства. По существу государство формирует костяк цивилизации, основу для развития ее культуры.

Государство является системообразующим элементом локальных социально-политических общностей, которые, по нашему мнению, целесообразно назвать государствами-цивилизациями. **Государство-цивилизация** — это объединенная общими идеями и целями развития локальная социально-политическая общность, созидаящая единую духовную и материальную культуру в границах определенного государственного образования. В качестве наиболее значимых современных государств-цивилизаций необходимо отметить Китай, Индию, Японию, Иран.

По своему содержанию понятие «государство-цивилизация» идентично используемому Данилевским термину «положительно-деятельные культурные типы», но, на наш взгляд, более удачно позволяет отобразить иерархическую структуру гецивилизации в ее исторической динамике.

Категория «государство-цивилизация» дает также дополнительную возможность исследовать одну из проблем, слабо поддающихся анализу в рамках сложившегося инструментария цивилизационного подхода, — проблему границ.

Историческими преемниками государств-цивилизаций являлись **империи-цивилизации** — масштабные социально-политические общности, созидаящие на основе интеграции разнородных традиций единую наднациональную политическую организацию и синтетическую культуру. «Всякой империи, — отмечал Б.С. Ерасов, — присуще многообразие этнических групп и конфессий. Это многообразие сохраняется на протяжении всего исторического периода существования империи и переживает ее крушение. Это означает, что империя так или иначе служит средством поддержания такого многообразия, сохраняет плюрализм культур, над которым и возвышается имперская власть» [Ерасов 2002, с. 275].

В процессе формирования империи неизбежны конфликты между ее разнородными социокультурными и политическими элементами. «Империя как надэтническое государственное образование предоставляло всем народам, живущим

Ходаковский Е.А. Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

на ее территории, защиту от внешних врагов. И вместе с тем жестко пресекала всякого рода межэтнические столкновения» [Шевченко 1995, с. 39]. Пресечение различных междоусобиц являлось необходимым условием сосуществования входящих в состав империи этносов и конфессий. При благоприятных условиях их активное взаимодействие и возникновение единой синтетической традиции становились основой образования империи-цивилизации.

Наиболее масштабные империи-цивилизации, как по продолжительности функционирования, так и по территориальному охвату, — Римская, Византийская, Российская. «Именно степень универсальности Российская империя отличалась от других имперских образований того времени, что и делало ее продолжением и подобием первого и второго Рима, придавало ей такой огромный масштаб и устойчивость» [Ерасов 1996, с. 99].

В современный период в результате региональных интеграционных процессов, в том числе и на основе развития традиций империй-цивилизаций, формируются качественно новые сообщества *регионального* уровня — **цивилизации-регионы**.

В качестве одной из наиболее перспективных и масштабных основ цивилизации-региона целесообразно рассматривать государства Юго-Восточной Азии, обладающие единой цивилизационной традицией и соединенные интенсивными экономическими связями.

Толчком к «политическому ренессансу» Востока в Новейшее время послужила концепция «четырех полицейских» Ф. Рузвельта, использованная при создании ООН. Выдвигающиеся в глобальные лидеры США настойчиво создавали противовес влиянию СССР в Азии, в том числе за счет включения КНР в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. При этом предполагалось, что совокупная мощь Запада, основывающаяся на союзе США и Великобритании, будет позволять доминировать над Востоком, в ряды которого был окончательно оттеснен Советский Союз. Новая глобальная конфигурация нашла отражение в речи У. Черчилля в Вестминстерском колледже города Фултон, положившей начало «холодной войны».

В период «холодной войны» Китай, умело маневрируя между противоборствующими сторонами, сумел извлечь максимум политических, военностратегических и экономических дивидендов. Передача Гонконга в июле 1997 года и Макао в ноябре 1999 года под юрисдикцию КНР является подтверждением эффективности выдвинутой Дэн Сяопином концепции «одна страна — две системы» и расценивается китайским руководством в качестве победы на пути к созданию «Большого Китая». С решением Тайваньской проблемы завершится первый этап «собираания китайских земель».

В современных условиях внешнеполитическая стратегия КНР характеризуется гибкостью и прагматизмом: за счет уступок в территориальных спорах кардинальным образом изменились отношения с Индией. Китай высказал поддержку Индии в ее стремлении добиться постоянного членства в Совете Безопасности ООН, но в то же время воспрепятствовал вхождению Индии в качестве полноправного члена в ШОС.

Системообразующую роль в формировании «Большого Китая» играет китайская диаспора (*хуацяо*). 80% всех иностранных инвестиций и капиталовложений поступают в КНР от этнических китайцев [Титаренко 1998, с. 69]. Общие активы 500 самых больших принадлежащих китайцам компаний в Юго-Восточной Азии составляют 540 млрд. долларов [Уткин 2003, с. 301]. На Филиппинах китайцы, составляющие 1% населения страны, контролируют 60% экономики. В Индонезии при 3% доле населения *хуацяо* владеют 70% экономики частного сектора [Бжезинский 1998, с. 224]. Аналогичная ситуация и в других странах Юго-Восточной Азии: *хуацяо* контролируют 70% экономики Малайзии, 80% — Таиланда и почти всю экономику Сингапура [Десягин 2003, с. 432]. Преобразование экономического влияния *хуацяо* в политическую мощь Китая станет основой реализации следующего этапа собирания «Большого Китая», в ходе которого будет сформирован «срединный треугольник» [Арин 2003, с. 288]: Китай, подконтрольные *хуацяо* страны Юго-Восточной Азии и объединенная Корея. Подобно объединению Восточной и Западной Германии, положившему начало формированию «Большой Европы», интеграция Северной и Южной Кореи сыграет роль спускового механизма в создании цивилизации-региона Восточной Азии.

На завершающем этапе в сферу «Большого Китая» может быть включена Япония. Возникнет новый субъект глобальной политики и экономики, охватывающий наиболее динамично развивающиеся державы, объединенные единой тысячелетней цивилизационной традицией.

В ходе эволюции государств, образовавшихся на территории Империи франков (империи Карла Великого), сформировался наиболее мощный макрорегиональный блок современности — Запад, обладающий потенциалом формирования цивилизации-региона. Данный потенциал может быть реализован при условии дополнения существующего экономического и военно-политического единства общей системой социокультурных ценностей для всех западных государств. В современных условиях одно из основных внутренних противоречий в развитии Запада связано с тем, что США, оставаясь по уровню социокультурной динамики периферийным образованием, не достигшим стадии государства-цивилизации, за счет военно-политико-экономической мощи более полувека играли роль макрорегионального лидера. В среднесрочной перспективе не исключена возможность раскола западного ареала и формирования цивилизации-региона только в Европе. Подтверждением этому является усиливающиеся центробежные тенденции в эволюции Запада.

С одной стороны, США усиливают ориентацию на континентальные процессы интеграции в рамках экономического блока НАФТА (North American Free Trade Agreement, НАФТА — один из наиболее влиятельных в современном мировом хозяйстве региональных экономических блоков, объединяющий США, Канаду и Мексику) с поэтапным подключением государств Южной Америки и созданием единой зоны свободной торговли, охватывающей два материка. С другой стороны, с объединением Германии возрастает стремление европейских государств освободиться от умело навязанного в годы «холодной войны» протектората заокеанского партнера.

Ходаковский Е.А. Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

Гипотетическая возможность возникновения цивилизаций-регионов в долгосрочной перспективе существует на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Одним из наиболее масштабных проектов по созданию цивилизации-региона является евразийский проект.

Государства-цивилизации, империи-цивилизации и формирующиеся в настоящее время цивилизации-регионы, наряду с иными социальными общностями, являются элементами и подсистемами гецивилизации.

Сущность и содержание безопасности

Тот, кто не отказывается от основ свободы ради временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности.

Бенджамин Франклин

Одна из основных методологических особенностей в исследованиях безопасности социальных систем связана с тем, что понятие безопасности не указывает на определенную вещественную реальность, то есть является абстрактным. Но в большинстве попыток проникнуть в сущность явления безопасности оно рассматривается «в привязке» с объектами материального мира. Исследование развивается в этом случае по следующей схеме. Предварительно в отношении безопасности выдвигается некое определение. Это определение, как правило, основывается на представлении субъекта исследования о некотором идеальном состоянии, к которому, опять же по мнению исследователя, должны быть направлены процессы развития рассматриваемой им группы объектов. Затем, не подвергнутое критическому анализу, определение безопасности соотносится с особенностями функционирования объекта, и в результате рассматривается развитие объекта в контексте представлений субъекта исследования о безопасности, а не сама безопасность.

В большинстве исследований субъективные представления о безопасности являются основой для определения содержания понятия безопасности и, следовательно, формируют установку в отношении выбора путей обеспечения безопасности (*идеологию безопасности*). Анализ материалов по данной проблематике позволяет выделить следующие уровни познания безопасности.

Первый уровень познания безопасности — обыденный, охватывающий элементарные сведения, приобретаемые человеком в повседневной жизни. Понятие о безопасности на этом уровне связывается с отсутствием изменений, с покоем. В качестве символа безопасности на обыденном уровне может быть образ скалы. Представления этого уровня находят отражение в таких претендующих на научность определениях безопасности, в которых ключевыми являются словосочетания «состояние неизменности», «отсутствие опасностей», «защищенность от угроз» и т.п. В качестве угроз безопасности представляются различного рода изменения или следствия этих изменений. Основной источник опасностей выносится вовне. Содержание обеспечения безопасности сводится к воспрепятствованию различного рода трансформациям, к консервированию существующих форм развития, что, в конечном счете, приводит к стагнации. Символ обеспечения безопасности этого уровня — щит. Формируемая на обыденном уровне идеология безопасности — идеология страха. Консерватизм, установки, созвучные английской пословице «мой дом — моя крепость», способствуют формированию данной идеологии. Лаконичное высказывание Тертуллиана «страх — основа безопасности» соответствует именно этому уровню познания безопасности.

Второй уровень — эмпирический, формирующийся на основе анализа и обобщения знаний, получаемых в ходе практической деятельности. Содержание представлений о безопасности на этом уровне сводится к обладанию, добыче чего-либо, к достатку. Характерный для данного уровня символ безопасности — золото. Типичные определения безопасности строятся на категориях интереса. Всякое несоответствие представляемым интересам приравнивается к опасности [Концепция «национальной безопасности»... 1994, с. 67]. Обеспечение безопасности сводится к отстаиванию интересов. Символ обеспечения безопасности — весы. Для этого уровня характерна идеология выгоды. Примечательно, что в английском языке слово «*interest*» обозначает также выгоду, проценты на капитал, а термин «интересы национальной безопасности» был введен в политический лексикон Теодором Рузвельтом в 1904 году в послании Конгрессу США, в котором он обосновывал необходимость захвата Панамского канала.

Давая нравственную оценку такому подходу, Вл. Соловьев отмечал: «Политика интереса... это есть дело языческое... Утверждение своей исключительной миссии, обоготворение своей народности есть точка зрения иудейская...» [Соловьев 1989, с. 67].

Третий — рациональный — уровень представляет собой сферу знания различных научных и философских направлений, претендующих на раскрытие закономерностей развития различных объектов окружающего мира. Безопасность на этом уровне представляется как воспроизводство определенного порядка взаимосвязей объектов духовного и материального мира. Определения безопасности на этом уровне включают категории «развитие» [Яновский 1995, с. 39] и «качество». Символ безопасности — хартия. В качестве угроз мыслятся несоответствия порядку, нарушения установленных правил. В обеспечении безопасности превалирует соблюдение правил, сохранение порядка. Символ обеспечения безопасности — круглый стол. Идеология безопасности этого уровня — идеология договора.

Каждый из перечисленных уровней качественно отличается от других и представляет более высокую ступень по сравнению с предыдущим. Только третий уровень позволяет приблизиться к познанию сущности безопасности социально-политических систем, выявить закономерности в данной сфере.

В настоящее время характер исследований проблем безопасности характеризуется преимущественно как эмпириче-

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

ский. Многие ученые отталкиваются в своих рассуждениях о безопасности от этимологического значения слова «безопасность», понимаемого как «отсутствие опасности». Такая точка зрения приводит к тому, что безопасность аксиоматически рассматривается как производное от опасности и основное внимание уделяется изысканиям, направленным на создание «ситуаций без опасности». Позволим себе усомниться в целесообразности такого подхода, и попытаемся испытать на прочность видимую простоту приведенной схемы рассуждений.

Начнем с того, что в реальном окружающем нас мире не существует «ситуаций без опасности»: где бы мы ни находились, хоть что-нибудь нам угрожает. Иными словами, при рассмотрении безопасности в качестве результата отсутствия опасности, безопасность сводится к чему-то не существующему. На это обращали внимание некоторые исследователи, которые, опуская лингвистические аспекты понятия безопасности, впадают, по нашему мнению, в другую крайность: они считают, что безопасность существует только при наличии опасности. В результате противоположная посылка приводит все к тому же выводу: безопасность производна от опасности.

В лингвистическом аспекте дело, на наш взгляд, в смысловой нагрузке приставки без-. Действительно, в таких словах, как *безлесье*, *безветрие*, *безаварийность*, эта словообразующая частица означает отсутствие чего-либо. Но в иных случаях ограничение смысловой нагрузки приставки без- лишь одним значением противоречит здравому смыслу. Во многих словах приставка без- привносит качественно новое содержание.

Например, *безбедность* и *безмятежность* обозначают не просто отсутствие бед и мятежей, а именуют качественно новые явления — благополучие и покой, в которых преодоление бед и мятежей является одним из важных, но не достаточным моментом. При этом отсутствует зависимость (как прямая, так и обратная) между этими явлениями и их необязательными негативными предпосылками. Ведь никто не станет утверждать: для того чтобы стать безбедным (богатым), вначале обязательно необходимо погрузиться в нищету и мужественно ее преодолеть. Так же и с безопасностью: совершенно необязательно для бытия в безопасности, отыскивать и уничтожать опасности. Безопасность обозначает качественно сложное явление, смысл которого не исчерпывается отрицанием опасностей.

Безопасность целесообразно рассматривать как комплексную предметную область, своего рода уникальный мир со своими характеристиками, структурой, законами, к исследованию которого необходимо применять разнообразные способы и приемы познания, не ограниченные эмпирическим «потолком». Категория «безопасность» имеет определенный смысл и обозначает реальность объективного мира, содержание которой не исчерпывается субъективными интерпретациями.

Безопасность социальных систем отличается сложностью и многомерностью, определяемыми основными характеристиками объектов общественного бытия, среди которых выделяется способность к выживанию: сохранению своего существования и продолжению жизнедеятельности. «...**Каждая социальность противостоит в первую очередь своему собственному небытию**, тенденции к своей деградации и социальной энтропии» [Кара-Мурза и др. 1995, с. 11].

Выживание социальных систем в различных условиях обеспечивается, по нашему мнению, в результате реализации возможности развиваться, переходить от одного качественного уровня к более высокому. В этом, по нашему мнению, заключается **сущность безопасности**. Безопасность – не самоцель, это основа и необходимое условие развития.

Безопасность социальных объектов, на наш взгляд, не должна полностью отождествляться ни с «защищенностью» от неблагоприятных воздействий, зачастую стимулирующих совершенствование, ни с созданием условий, максимально способствующих жизнедеятельности социально-политических систем, что зачастую приводит к остановке в развитии, к регрессу в «комфортной» среде. Ведь именно препятствия и трудности «вынуждают» совершенствоваться, применять новые методы и средства для достижения целей. Таким образом, защита или обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности – это лишь отдельные составляющие безопасности.

Все, что пребывает в безопасности, обладает потенциалом развития, интенсивность проявления которого определяет **степень безопасности**. При этом процесс развития предполагает сохранение **качества** – существенной определенности, совокупности свойств, обуславливающих отличительные особенности. *Все существующее обладает присущим ему качеством, потеря качества равнозначна прекращению существования*. Равно, как и прекращение существования приводит к потере качества.

В то же время необходимо учитывать, что снижение, в определенном диапазоне, количественных параметров качественных характеристик не всегда сопровождается снижением степени безопасности, а иногда является неизбежным условием ее повышения.

В **содержании безопасности** необходимо, по нашему мнению, выделить три аспекта: онтологический, субстанциональный и функциональный.

Онтологический аспект охватывает совокупность свойств, необходимых для сохранения существования объекта безопасности. Это базовый уровень безопасности, «прожиточный минимум», достаточный для обеспечения выживания.

Решение вопроса «**Быть или не быть?**» является символическим примером онтологического аспекта безопасности.

В **субстанциональном** аспекте основное содержание безопасности эквивалентно развитию качественной специфики. Данный уровень отражает **динамику** основных характеристик объекта безопасности.

«**Каким быть?**» — субстанциональный вопрос безопасности.

Функциональный аспект аккумулирует реализацию возможностей объекта безопасности выполнять свое назначение. Любая природная или социальная система призвана выполнять определенные функции. И в значительной степени

Ходаковский Е.А. Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

именно эффективность функционирования определяет собственную безопасность различных систем.

Ответ на вопрос «**Что сделано?**» определяет функциональный аспект безопасности, степень зрелости и эффективность развития объектов социального бытия.

Единство указанных аспектов образует содержательную целостность понятия безопасности, определяемую ответами на вопросы о том, что сделано для того чтобы быть такими, как необходимо. При этом развитие качества представляет *смысловое ядро* понятия безопасности, поскольку вбирает в себя и обеспечение выживания, и эффективность функционирования:

- для того чтобы развиваться, необходимо существовать;
- для того чтобы эффективно функционировать, необходимо развиваться.

При определении понятия безопасности сложились два основных подхода: через понятие «состояние» и «свойство». Первый подход, на наш взгляд, более приемлем для исследования статических проблем. Второй в большей степени отражает динамику общественных процессов, позволяет исследовать безопасность как многоплановое явление в целом. В зависимости от того, рассматривается ли развитие в динамике или как результат достижения определенной ступени эволюции, безопасность может определяться и как свойство, и как состояние социальных систем.

Все же, с учетом рассмотренных выше аспектов безопасности, в качестве основополагающего, по нашему мнению, целесообразно привести следующее определение: **безопасность — это свойство развития качества.**

Категорию «безопасность» необходимо рассматривать как внутреннее существенное (имманентное) свойство, играющее важную роль на всех стадиях эволюции различных социальных систем. Хотя значение безопасности проявляется наиболее полно в критических условиях, когда деструктивные внешние и внутренние процессы могут привести социальный объект к гибели, не следует ограничивать роль безопасности применительно к условиям риска, конфликта и т.п.

Сущность **угрозы безопасности**, охватывающей все явления, способные препятствовать жизнедеятельности социально-политических систем, по нашему мнению, целесообразно рассматривать в связи с понятием «противоречие». Противоречие — центральная категория диалектики, выражающая суть закона единства и борьбы противоположностей. Противоречие лежит в основе всякого развития и представляет собой внутреннее свойство объектов общественного бытия, выражающее отношение отрицания между двумя взаимопроникающими и противоположными сторонами.

В своем движении противоречие проходит через стадии единства, несоответствия сторон и разрешения. Прогрессивная роль противоречий состоит в том, что их разрешение позволяет подниматься на новую ступень развития, но это происходит лишь в случае обеспечения адекватности форм движения противоречий. Сначала форма движения противоречия соответствует своему назначению, затем она начинает устаревать. Адекватность нарушается, и если одновременно не предпринимаются меры по замене устаревшей формы новой, то возникают негативные процессы. Происходит обострение несоответствия сторон, препятствующее развитию. Таков механизм возникновения угроз безопасности объектов общественного бытия, в том числе социально-политических систем.

Обеспечение безопасности по своему содержанию является процессом увеличения степени безопасности. Не существует однозначно благотворных или разрушительных процессов. Те или иные особенности явлений проявляются в зависимости от состояния системы взаимодействий с объектом безопасности и обладают относительным характером. Одно и то же явление может проявлять как негативные, так и позитивные черты. В ходе изменения состояния системы взаимодействий социального объекта с явлением, представляющим собой потенциальную угрозу его безопасности, может меняться степень влияния на социальный объект и сам характер проявляющегося качества явления: при определенных условиях угроза безопасности стимулирует развитие социальных объектов. Именно на создание таких условий следует направлять меры по предотвращению угроз безопасности. Целенаправленное изменение системы взаимодействий социального объекта и явления-угрозы путем адаптации объекта или (и) с помощью управляющего воздействия на каналы взаимодействия или (и) на явление-угрозу лежит в основе обеспечения безопасности.

Основное содержание обеспечения безопасности не должно ограничиваться только нейтрализацией угроз, поскольку имманентные (внутренне присущие) противоречия — главный источник угроз — являются необходимым условием развития.

Безопасность и модернизация

В современный период роль социальных систем как субъектов глобальной эволюции определяется особенностями и результатами процесса модернизации как специфического типа развития, охватывающего все сферы жизнедеятельности не только в технологическом, но и в структурно-функциональном отношении. «Политические, экономические и культурные преобразования взаимообусловлены в силу того, что не может быть жизнеспособным общество, не располагающее политическими, экономическими и культурными системами, поддерживающими друг друга на взаимной основе...» [Инглеарт 1999, с. 271]. Преимущества технологического уклада создают основу для повышения эффективности процессов политической организации и самоорганизации. В противоречивом единстве новаций и традиций формируются особенности развития различных социально-политических систем, их роль в процессах глобальной и региональной интеграции.

Доминирующее влияние на систему гецивилизационных взаимодействий оказывают лидеры модернизации. Мощный экономический потенциал позволяет этой группе государств поддерживать неоспоримое в обозримом будущем политическое и военно-стратегическое превосходство. Первая группа современных государств — *центр модернизации* («лидеры») — включает государства Запада (Западная Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия) и Японию. На долю лиде-

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

ров модернизации приходится около половины мирового ВВП. В XX веке среднегодовые темпы динамики численности населения этой группы государств снизились на треть: с 0,9 до 0,6% (здесь и далее расчеты произведены на основании данных статистического обзора «Мировая экономика за 100 лет» [Болотин 2001]). Демографический фактор является одним из наиболее серьезных препятствий сохранения глобального доминирования лидеров модернизации в будущем. В этом заключается одна из составляющих общей для государств-«победителей» проблемы — проблемы поддержания господства.

Вторая группа — *полупериферия модернизации* («догоняющие») — состоит из государств Центральной и Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, ряда стран Латинской Америки. Развитие этой группы государств подтверждает сформировавшийся в теории принцип сохранения национальной и цивилизационной самобытности общества в ходе модернизации. «...модернизация представляет собой явление, отличное от вестернизации, она не порождает универсальной цивилизации в сколько-нибудь значимом смысле и не приводит к вестернизации незападных обществ» [Хантингтон 1999, с. 508]. Наиболее значимыми представителями второго эшелона модернизации являются Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Корея.

В течение XX века ВВП этих государств увеличился в десятки раз: Китая — в 23,3, Индии — 13,3, Бразилии — 73,3, Мексики — 39,8, Кореи — 64,5 раза. В результате *совокупная доля в мировом ВВП пяти указанных государств (19,86%) почти сравнялась с государствами Западной Европы (19,97%) и США (20,59%)*. При этом на рубеже веков были достигнуты рекордные среднегодовые темпы прироста ВВП: Китай — 9,7%, Индия — 6%, Корея — 4,8%.

Пятерка наиболее динамично развивающихся «догоняющих» объединяет почти половину населения Земного шара и занятых в мировой экономике. В этих странах, за исключением Китая, проводящего последовательную политику сокращения рождаемости, сохраняются значительные среднегодовые темпы прироста численности населения (Китай — 0,9, Индия — 2,0, Бразилия — 2,1, Мексика — 2,3, Корея — 1,3). Для государств второго эшелона модернизации наиболее существенными являются проблемы развития.

Третья группа — *периферия модернизации* («отстающие») — охватывает преимущественно государства Ближнего и Среднего Востока, Африки, части Южной Азии и Латинской Америки.

Государства постсоветского пространства, включая страны СНГ, по итогам XX века также, по нашему мнению, относятся к этой группе «проигравших». Постоянное членство в Совете Безопасности ООН и все еще сохраняющийся ядерный арсенал позволяют нашему государству сдерживать натиск на политическом фронте и в ходе военного противостояния. А в мировом ВВП, промышленном производстве и международной торговле значение России по сравнению с лидерами мировой экономики практически незаметно.

Сравнение с великими восточными соседями менее удручающее, но важно учитывать также динамику. В течение XX века ВВП этих государств увеличился на порядок: Китая — в 23,3 раза, Индии — 13,3. При сохранении высоких темпов роста возросла доля Китая и Индии в мировом ВВП и экспорте, а у России по этим показателям произошел спад.

Доля Российской империи в мировом ВВП в 1900 году составляла 7,9%, в 1913 году — 9,1%, Советского Союза в 1960 году — 14,5%, в 1990 году — 9,2%, Российской Федерации в 2000 году — 2,6% (в совокупности с другими странами бывшего СССР — 4,1%).

Доля населения Российской империи в 1913 году составляла 9,3% населения Земного шара, Советского Союза в 1990 году — 5,5%, Российской Федерации в 2000 году — 2,4% (в совокупности с другими постсоветскими странами — 4,8%). Доля Российской империи в 1913 году от занятых в мировой экономике составляла 3,8%, Советского Союза в 1990 году — 2,1%, Российской Федерации в 2000 году — 1,1% (в совокупности с другими постсоветскими странами — 2%). В целом актуальные для России и «друзей по несчастью» проблемы следует охарактеризовать как проблемы выживания.

По итогам XX в. Россия из группы экономических лидеров¹ скатилась к государствам третьего эшелона. И хотя на рубеже

¹ Российская империя по доле в мировом экспорте в 1913 году (7,86%) уступала лишь Великобритании (12,98%), Германии (12,86%) и США (12,38%).

веков наметился подъем в сырьевых отраслях, уровень развития российской экономики в целом не соответствует сложности современных задач. «В основном предпочтение было отдано форсированию роста старой, сырьевой экономики, а для формирования новой, создающей уникальные технологии и инновационные продукты, были приняты лишь отдельные и несистемные решения» [Послание Президента Российской Федерации... 2009].

Свойства представленных групп государств как субъектов политики в сфере обеспечения безопасности имеют существенные отличия.

Для государств — лидеров модернизации наиболее актуальным в современный период является функциональный аспект безопасности. В современный период уровень безопасности «победивших» государств зависит преимущественно от эффективности осуществляемого ими контроля над остальной частью мира. В этих целях используются не имеющие аналогов в мировой истории региональные экономические и военно-стратегические объединения (ЕС, НАФТА, НАТО), международные финансовые организации глобальной значимости (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, клубы кредиторов).

Для разрешения функциональных проблем безопасности предназначен категориально-понятийный аппарат, разработанный в рамках концепции «национальных интересов».

Политика в сфере обеспечения безопасности государств — лидеров модернизации разрабатывается в противоборстве сторонников различных стратегических установок: от изоляционизма (жесткое размежевание мирового пространства на За-

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

пад и не-Запад, концепция «золотого миллиарда») до глобального доминирования (идеологемы «мирового жандарма» и «нового мирового порядка»). «Выживание Запада зависит от способности американцев утвердить свою западную идентичность и способности Запада принять свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, объединиться и обновить ее и противостоять вызовам со стороны незападных обществ» [Хантингтон 1999, с. 509]. В поисках оптимального соотношения «наступательного» и «оборонительного» элементов стратегий разрабатываются различные варианты сдерживания возможных конкурентов, в первую очередь из «второго эшелона» (Китай, «азиатские тигры») [Уткин 2003, с. 308–313].

Основные внутренние противоречия лидеров модернизации формируются в ходе трехсторонней конкурентной борьбы США, Европы и Японии. На протяжении нескольких десятилетий США успешно решили задачу локализации последствий «японского чуда». В современных условиях на первый план выходит возможность раскола Запада в результате усиления противостояния Европы и США.

Для группы «догоняющих» стран первоочередными являются субстанциональные проблемы безопасности. При сохранении высоких темпов модернизации им предстоит решить задачу внутреннего реформирования, направленного на разработку механизмов взаимодействия методов государственного и рыночного регулирования.

Для государств второго эшелона модернизации в ближайшие десятилетия жизненно важной является задача разработки мер коллективной безопасности, предполагающих создание региональных институтов экономического и военно-политического взаимодействия, способных противостоять «ударным силам» лидеров модернизации.

Складывающийся в современных условиях восточноазиатский тип модернизации включает в себя решение проблемы гармонизации отношений общества и окружающей среды. «В политическом плане конфуцианский подход к разработке стратегии экономического развития заключается в том, чтобы рассматривать человеческие ресурсы решающим фактором экономического прогресса. ...Ныне китайское руководство, регулируя ситуацию с народонаселением, делает акцент на повышение качества населения, совершенствование человеческих ресурсов. Нынешние руководители КНР отошли от формулы Мао Цзэдуна «Чем больше людей, тем больше сила». Они делают акцент на регулирование рождаемости, сдерживание роста народонаселения, но особое внимание уделяют вопросам укрепления семьи, улучшения здравоохранения, образования, повышения культуры и оздоровления окружающей среды. Именно эти принципы лежат в основе принятой в 1994 г. правительством КНР долгосрочной программы устойчивого развития "Китай: повестка на XXI век"» [Титаренко 1998, с. 60].

В наиболее сложном положении в современных условиях глобализации и регионализации оказались «отстающие» государства, для которых наиболее важным является онтологический аспект безопасности. Они испытывают финансово-экономическое давление (долговая кабала, навязывание сырьевой ориентации экономического развития) и политико-идеологический диктат со стороны Запада (концепции «стран-изгоев», «оси зла»). Любые попытки региональной интеграции этих государств блокируются за счет провоцирования внутренних противоречий стран — потенциальных участников (примеры: столкновение правящих режимов Ирана и Саудовской Аравии, Индии и Пакистана), а также дезорганизация созданных механизмов взаимодействия (ОПЕК, СНГ).

Онтологические проблемы безопасности «отстающих» государств проявляются в том, что каждое из них может быть уничтожено «победителями» в ходе продолжающегося передела мира из-за контроля над источниками энергоресурсов, в первую очередь нефти (Ближний Восток, Каспийский ареал). Наличие значительных запасов энергоносителей на территории любой страны делает ее потенциальным объектом «гуманитарной интервенции» «Узаконить обход ООН при применении силы против стран, отнесенных позже по американской классификации к «оси зла», была призвана теория «гуманитарной интервенции». Согласно этой теории отдельное государство или группа государств могут взять на себя ответственность за вооруженные действия против тех режимов, которые, по их оценке, приводят положение в своих странах к «гуманитарной катастрофе». Под ней подразумеваются массовые нарушения прав человека» [Примаков 2002, с. 97]. Но их отсутствие также не гарантирует от «неожиданных» всплесков этнических, религиозных столкновений и обострения проблемы «прав человека».

«Найденная во время второй войны в Заливе формула гуманитарной интервенции, по мнению профессора Вернера Руфа (университет Касселя), делает возможной каждую войну, если удастся найти причину для гуманитарной интервенции» [Арзаманова, Арзаманов 2001, с. 31]. Дело в том, что в тактике, применяемой США для достижения контроля над «зоной национальных интересов», используются различные варианты многоэтапных операций. При этом объектом агрессии становятся государства, территория которых может быть использована в качестве плацдарма для экспансии в будущем (Афганистан, Центральная Азия в этом отношении представляют стратегический интерес для США как в противоборстве с потенциальными конкурентами — Россией, Китаем, — так и в осуществлении контроля над использованием ресурсов Каспия).

Процессы модернизации оказывают значительное влияние на эволюцию системы геочивилизационных взаимодействий государств как субъектов обеспечения безопасности и объектов безопасности. Для лидеров модернизации, объединяющих преимущественно социально-политические системы Запада, наибольшую актуальность представляют функциональные проблемы обеспечения глобального превосходства. Для динамично развивающихся государств цивилизаций Востока, составляющих второй эшелон модернизации, жизненно важными являются субстанциональные проблемы внутреннего реформирования. Для «отстающих» в процессе модернизации, включая государства постсоветского пространства, наибольшую роль играют онтологические проблемы безопасности — проблемы выживания. «Мы

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире» [Послание Президента Российской Федерации... 2009].

Политика и безопасность

Особенности эволюции социально-политической системы оказывают воздействие на процесс обеспечения безопасности. При этом оптимизация соотношения целей и задач развития и безопасности осуществляется в сфере политики, что позволяет при сохранении территориальной целостности, независимости и суверенитета, воспроизводства духовной и материальной культуры, экономики и социальной структуры реализовать собственные устремления и адекватно реагировать на изменения в сфере международных отношений и внутренних дел. В этом заключается *сущность политики безопасности*.

В данном контексте примечательна динамика развития США. На начальной стадии определяющим был религиозный фактор, ведь государство Нового Света создавалось протестантами как Новый Иерусалим, всецело охваченный церковью и полностью управляемый протестантскими «святыми». «Новая цивилизация рождалась не столько из планов и проектов, сколько из того отрицания, какое Новый Свет приносил в обиход Старого», — утверждает известный американский историк Д. Бурстин [Бурстин 1993, с. 10]. По мнению йельского религиоведа С. Альстрома, «мысль Джона Эдварда о том, что царство божье начинается в Америке, была в 1776 году переведена авторами Декларации независимости на язык официальной догмы... отцы-основатели Джефферсон, Адамс, Франклин согласились бы, что подобно Израилю во время оно, ведомому через пустыню к обетованной земле, Соединенные Штаты стали для Бога Новым Израилем» [Проблемы американистики... 1993, с. 66].

В религиозно-идеологическом отношении США можно считать детищем Реформации. Дэниел Бурстин, характеризуя умонастроение жителей Нового Света, отмечал: «Никогда еще не был народ так уверен, что находится на праведном пути» [Бурстин 1993, с. 12]. Мессианский дух протестантов США культивировался и в организации жизни приходов. «Важнейшей функцией молельного дома в Новой Англии (как и синагоги, по образцу которой он был сознательно сконструирован) явилась функция наставления прихожан» [Бурстин 1993, с. 22]. Вектор развития протестантизма в дальнейшем от подчинения мира церкви привел к господству во всех сферах социальной жизни влияния сектантских общин. М. Вебер назвал этот феномен «сектантским прошлым США» [Вебер 1990, с. 209].

В этот период основным составляющим успеха в карьере как на государственных должностях, так и в частном предпринимательстве считалась принадлежность к какому-либо «волюнтаристскому объединению», будь то религиозная секта или масонская ложа. Мировоззренческие и идеологические различия, которые определяли судьбу членов протестантских «ново-светских» общин в начальный период расцвета религиозной дисциплины, когда каждый инакомыслящий изгонялся из общины, отошли на второй план, а вскоре попали под запрет [Бурстин 1993, с. 16]. Предметом даже религиозной проповеди могли быть только социальные вопросы. Государство, создание которого определялось религиозными мотивами, вначале пытается отстраниться от религиозных проблем, а затем санкционирует сведение социальной роли религии к нулю. Период, когда любое событие, даже публичная казнь, служило поводом для религиозной проповеди, сменился временем «обязательного плюрализма», когда любые отстаиваемые убеждения рассматриваются как источник угрозы национальной безопасности [Миф об этническом многообразии... 1995, с. 93–100].

В социально-политических системах Востока внутренняя роль государства значительно выше западных, но во внешнеполитической сфере для всех социально-политических систем государство — основной субъект взаимодействий. К его компетенции относится определение основных направлений, обеспечение, регулирование и контроль различных видов социально-политических контактов. В связи с рассмотренными выше особенностями структуры социально-политических систем Востока обеспечение внутренней безопасности государств данного типа представляет собой укрепление структуры всей социально-политической системы.

В отличие от социально-политических систем Востока, которые регулируют отношения с окружением за счет преимущественно внутренних изменений, государства Запада направляют свои основные воздействия вовне, вовлекая в сферу собственного влияния все новые территории и народы. Внутренние проблемы Запада в значительной степени решаются за счет окружения и ведут к его истощению.

Для нескольких последних столетий эволюции Запада, как отмечалось выше, характерно формирование государственных наций, объединяющих в себе собственно государство (аппарат управления, сферой ведения которого является политика) и гражданское общество, охватывающее то, что не входит непосредственно в сферу влияния государства.

Сохранение равновесия между государством и гражданским обществом, их конструктивное взаимодействие составляют основу обеспечения безопасности социально-политических систем Запада, что и отражается в концепциях национальной безопасности, которые представляют собой совокупность взглядов руководства той или иной страны на сущность и средства обеспечения национальных интересов, что находит свое отражение в ряде программных документов (например, в посланиях президента Конгрессу США).

Концептуальный подход, в котором базовой категорией является понятие «национальная безопасность», вызвал серьезные предостережения о возможности нарастания сепаратистских настроений и возникновения противоречий при определении задач в обеспечении безопасности различных регионов многонациональных стран, включая и Россию. «В направлении дробления цивилизационного пространства действует и логика «национального самоопределения». В осно-

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

ве ее лежит "недоразумение века": смешение самоопределения народов и самоопределение наций. Механическое перенесение некоторых западноевропейских принципов на почву неевропейских культур часто порождает монстров. Одним из таких монстров и стало понятие национального суверенитета» [Панарин 1995, с. 52].

Особенности переходных периодов и кризисных процессов также не находят адекватного отражения в рамках данного подхода. «Однозначно правильно понимаемых своих национальных интересов не существует. В кризисные же периоды, особенно в условиях бифуркаций, когда социально-политическая система выходит за свой порог стабильности и перед ней открываются принципиально различные варианты развития, диапазон понимания этих интересов становится необычайно широким, включающим прямо противоположные позиции...» [Пантин 1995, с. 100–101]. Так, например, «...российский кризис не выводим из собственно национальных проблем жизнеустройства и не решается через те или иные варианты национального самоопределения. И в этом плане проблема скорее не в "интересах", а в идеалах как базовых ценностях наднациональной общности, формируемой цивилизацией» [Ерасов 1996, с. 88–89].

В современных условиях для обеспечения безопасности незападных государств необходим иной механизм, в ходе разработки которого целесообразно использовать инструментарий, отличный от применяемого в концепциях национальной безопасности [Концепция «национальной безопасности»... 1994, с. 67] и позволяющий выявлять противоречия, связанные с культурно-историческими различиями конфликтующих сторон, их ролью в глобальной и региональной социально-политической эволюции. Например, при анализе причин Балканского конфликта существенное значение приобретает учет особенностей зарождения и развития сербской православной, хорватско-словенской католической и албанско-боснийской мусульманской социально-политических общностей.

Противоречия между этими общностями складывались в ходе экспансии двух империй, Османской и Австро-Венгерской, разделивших этнически родственные славянские народы культурно-конфессиональными барьерами. «В первое десятилетие XX века, когда все шло к мировой войне, стали очевидными будущий распад Оттоманской империи и центробежные тенденции в Дунайской монархии. Британия помимо помощи младотурецкой революции с целью закрепления будущей англосаксонской ориентации Порты проявила и самое заинтересованное внимание к судьбе балканских славян. Размышления об их встраивании в международные отношения отчетливо показывают совершенно определенные планы, последовательно продвигаемые под разными названиями в течение всего XX века, завершившись идеей Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы. Перед Первой мировой войной были заложены многие конфликты конца XX века на Балканах» [Нарочницкая 2004, с. 203].

Создание Югославии как единого государства по итогам первой мировой войны в 1918 году во многом было продиктовано интересами Великобритании, стремящейся вывести освобожденные славянские народы из-под влияния Германии или России. «Мыслимое британцами объединение славян... должно было быть внутренне неоднородным. Тогда исторический и политический потенциал этих народов был бы нейтрализован и обезличен, превратившись в материал для маккиндеровского "яруса между Германией и Россией от Балтики до Средиземного моря" под контролем англосаксов» [Нарочницкая 2004, с. 205]. В результате в периоды ослабления централизации культурные и религиозные составляющие социально-политических качеств народов Югославии начинают доминировать над этническими. На этой основе вспыхивают острые конфликты, приводящие к трагическим последствиям. В годы Второй мировой войны в хорватском концентрационном лагере Ясеновац, где людей исключительно вырезали (специальными ножами, которые назывались «сербо-секами»), было уничтожено 600 тысяч сербов [Кураев 1997, с. 93]. Этнические чистки сербов проводились также и албанцами. В результате, доля сербов в Косово снизилась за годы Второй мировой войны с 90 до 50%.

После окончания Второй мировой войны поддержка Британии, оказываемая И.Б. Тито, стала решающей в соперничестве за власть с другим представителем антифашистских сил в Сербии — Д. Михайловичем. Хотя генерал Михайлович еще до выдвижения Тито был министром эмигрантского королевского правительства, поддерживаемого Лондоном, проект послевоенного устройства коммуниста Тито оказался более выгодным для Британии. «Тито понимал, чем можно заинтересовать Черчилля, и в письме премьер-министру акцентировал внимание на цели "создать союз и братство югославских народов, которые не существовали до войны", "создать федеративную Югославию". Это вполне соответствовало прежнему с распада оттоманской Турции британским схемам для Юго-Восточной Европы. Такой план обезличивал и взаимно нейтрализовывал разные устремления балканских народов — хорватов, сербов, албанцев, предупреждая как прогерманский, так и пророссийский вектор... Тито сделал большую игру на интересах Британии, а отношения со Сталиным были обречены. Титовская Югославия просуществовала ровно столько, сколько в ней нуждался Запад» [Нарочницкая 2004, с. 313]. Режим Тито оказывал целенаправленное давление на сербов, руководствуясь принципом «Сильная Югославия — слабая Сербия». Титовская политика привела к рецидиву геноцида сербов со стороны албанцев в 1981 году.

При урегулировании современного конфликта в Косово необходимо учитывать также уникальную культурно-историческую роль этого края для сербов: на Косовском поле произошло сражение между сербами и турками, сравнимое по исторической значимости с Куликовской битвой.

Современные конфликты в Югославии имеют вековые корни. Без учета долговременных тенденций взаимодействия конфликтующих сторон любые попытки урегулирования обречены на неудачу. Знаменательно, что распад социалистической Югославии начался с выхода католических Словении и Хорватии, ранее входивших в состав Австро-Венгрии.

Тактика сознательного игнорирования социально-политических различий «примиряемых» народов преднамеренно

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

ведет к эскалации конфликта. Элементы «взрывоопасности» закладываются в международную политику с помощью наукообразных моделей, направленных на обострение существующих глобальных и региональных противоречий, среди которых наиболее известна концепция «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона.

По мнению американского политолога Самюэля Хантингтона, изложившего основы своей концепции в статье «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в 1993 году в журнале «Foreign Affairs», а затем в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996), «основными действующими лицами в мировой политике по-прежнему остаются национальные государства. Как и в прошлом, их действия определяются погоней за властью и богатством, но также и культурными предпочтениями, всем тем, что сближает или, напротив, разобщает их. Основные группировки государств больше не сводятся к трем блокам эпохи «холодной войны»; теперь речь идет о семи-восьми основных цивилизациях мира» [Хантингтон 1999, с. 532].

С. Хантингтон утверждает, что в современном мире формируется мировой порядок, основанный на отношениях между цивилизациями: страны группируются вокруг ведущих или центральных государств своей цивилизации. «В этом новом мире региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная — на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество супердержав уступает место столкновению цивилизаций. ...В формирующемся сегодня мире отношения между государствами и их группами, представляющими различные цивилизации, близкими быть не могут; напротив, зачастую они обречены носить антагонистический характер» [Хантингтон 1999, с. 533, 535].

Верные в целом общие концептуальные положения Хантингтона приобретают тенденциозную трактовку применительно к конкретным политическим проблемам современности. В данной трактовке на основе обоснования неизбежности конфликтных форм разрешения противоречий между Западом и остальным миром выстраивается концепция «столкновения цивилизаций». Как верно еще в середине 1990-х заметил ведущий российский политолог А.С. Панарин, «...теория конфликта цивилизаций начинает работать на Западе как "самоосуществляющийся" прогноз конфликта между Россией и мусульманским миром» [«Цивилизационная модель» международных отношений... 1995, с. 128]. Кажущийся в то время неожиданным вывод Панарина полностью подтвердился в последующих действиях Запада в отношении России, как по поводу чеченской проблемы и Кавказа в целом, борьбы с терроризмом и в реакции на теракт в Беслане, в особенности.

По существу умозаключения Хантингтона являются своеобразной интеллектуальной «разведкой боем». Концепция «столкновения цивилизаций» дает возможность сформировать новые стимулы мобилизации западных обществ, создать образ нового врага и наметить наиболее уязвимые места в позициях реальных и потенциальных соперников.

В рассуждениях Хантингтона очевидны прагматизм и значительная доля цинизма: «Жестокие столкновения цивилизаций в Боснии, на Кавказе, в Центральной Азии или в Кашмире могут вылиться в более крупные войны. ...наиболее горячие точки расположены по демаркационным линиям, разделяющим ислам и его соседей с их православной, индуистской, африканской и западно-христианской традициями» [Хантингтон 1999, с. 533, 535].

Примечательно, что в списке «соседей» православные — на первом месте, а Запад — на последнем, хотя исламский мир неоднократно в истории целенаправленно и успешно осуществлял экспансию именно на западном направлении. В то же время только совместно с православными мусульмане в качестве недоминирующей группы приобрели опыт векового межконфессионального сотрудничества в составе одного государства — Российской империи.

Тенденциозность предложенных С. Хантингтоном схем основывается на фундаментальной методологической ошибке (или сознательном искажении): способность человеческих сообществ создавать локальные цивилизации на основе развития различных культурных традиций рассматривается Хантингтоном в качестве основной причины глобальных и региональных конфликтов современности. В действительности же не цивилизации ведут войны, и не культурные традиции толкают людей на преступления. «Недоцивилизованность» человечества и недостаток культуры приводят к взаимному истреблению рода человеческого, в том числе и под влиянием околонучного конъюнктурного мифотворчества. «Цветущее многообразие» (К. Леонтьев) сообществ различных локальных цивилизаций является в реальности залогом развития человечества, базисом глобальной и региональной безопасности, условием успешного выхода из кризисных ситуаций.

Новый раздел мира на «своих» и «чужих» по псевдоцивилизационному признаку (Запад — не-Запад) предопределяет наибольшую вероятность реализации конфронтационной модели эволюции системы международных отношений. «На макроуровне основной водораздел проходит между Западом и «всеми остальными», причем наиболее острые конфликты будут вспыхивать между мусульманскими и азиатскими обществами, с одной стороны, и Западом — с другой» [Хантингтон 1999, с. 535]. В соответствии с данной моделью в качестве основного направления реализации стратегии развития западных государств в современных условиях объявляется стремление «...раздвинуть периметр центральной зоны мира на планете, облегчить поглощение России расширяющимся Западом и вовлечь Европу в совместные с Америкой усилия во имя упрочения глобальной безопасности» [Бжезинский 2004, с. 132].

В данном подходе глобальная безопасность отождествляется с наличием жестко централизованной системы управления планетарного масштаба, исключающей возможность равноправных отношений субъектов международных отношений, представляющих различные цивилизационные традиции. Необходимо отметить, что данная дискриминационная модель взаимодействий в значительной степени реализована в сложившейся системе международного права, в рамках которой в качестве нормативных признаны ценности, характерные для западной цивилизационной традиции: «права и свободы человека», «право наций на определение». Но в настоящее время и эти бесспорные достижения человечества

Ходаковский Е.А. Развитие и безопасность в гецивилизационной системе координат

списываются в архив истории архитекторами «нового мирового порядка», что непременно скажется на развитии как международного права в целом, так и правовых систем отдельных государств. Эволюция российской правовой системы — яркое тому подтверждение: под влиянием идеологием либерализма доминирует установка на максимально возможное сужение бремени государства и неоправданно масштабное расширение сферы активности частных предпринимателей. «Демократизация» внешнеэкономической деятельности, приватизация наиболее прибыльных предприятий, в том числе и в оборонно-промышленном комплексе, накладывают жесткие ограничения на возможности разработки и реализации эффективной стратегии развития и безопасности Российского государства.

Гецивилизационная безопасность

В становлении гецивилизационного подхода к исследованию проблем развития и безопасности различных социальных объектов ключевую роль играет проработка содержания понятия «гецивилизационная безопасность». Понятие гецивилизационной безопасности не тождественно понятию «безопасность гецивилизации»: оно качественно отличается от простой суммы входящих в него составляющих. Аналогичное обретение новых качеств происходит, по мнению автора, во всех понятиях, обозначающих виды безопасности.

Так, например, понятие экономической безопасности охватывает безопасность не только экономики, но и других объектов, взаимодействующих с экономической системой. Подобно понятиям, обозначающим иные виды безопасности, понятие «экономическая безопасность» очерчивает сферу, в которой общие для безопасности закономерности преломляются специфическим образом. Наряду с объектовым признаком, характером угроз и другими классифицирующими признаками сфера специфического проявления закономерностей безопасности является основанием классификации видов безопасности.

По оценке автора, именно этот классифицирующий признак используется в определении таких видов безопасности, как политическая, экономическая, идеологическая, военная, экологическая безопасность. Все эти понятия обозначают определенные сферы общественного и природного развития, в которых процессы, связанные с феноменом безопасности, протекают специфическим образом. Автор считает, что понятие гецивилизационной безопасности также указывает на специфическую сферу природно-социального бытия, определенную грань в развитии процессов развития и безопасности. Данная сфера не поглощается ни одной из обозначенных в современной науке для определения видов безопасности. Познавательная ценность введения понятия гецивилизационной безопасности не может быть компенсирована и совокупным применением существующих видовых понятий.

Исследование проблем гецивилизационной безопасности предполагает акцентирование внимания на долгосрочных, глубинных, преемственных тенденциях развития разнообразных объектов безопасности, их культурно-исторических особенностях, роли в социальных общностях различного уровня. Как результат — возрастает разрешительная способность инструментария исследования, увеличивается временное поле изысканий. Появляется возможность основывать аргументацию на материалах тысячелетних периодов. Достоверность полученных результатов в связи с этим значительно повышается.

Одна из важнейших особенностей содержания понятия гецивилизационной безопасности — адекватное отражение возрастающей роли социокультурных факторов в современном общественном развитии. Данная особенность современной эволюции человечества приводит к тому, что приоритетное развитие именно социокультурного потенциала различных систем способствует эффективному обеспечению их безопасности. Поэтому без рассмотрения гецивилизационной безопасности организация оптимального процесса развития различных систем представляется проблематичной.

Гецивилизация как метасистема включает в себя не только социально-политические и социокультурные системы, но и природную среду. Рассмотрение этих элементов в единой метасистеме (что представляется проблематичным при использовании категорий «государство» и «нация» в качестве обозначения основного объекта безопасности) позволяет учитывать активную формирующую роль каждого из них в отношении других элементов и системы в целом. Так, например, роль природной среды в эволюции гецивилизации не сводима к участи сырьевого придатка: гецивилизационный подход позволяет учитывать в качестве важного фактора развития влияние природных условий на формирование основных характеристик локальных или региональных подсистем гецивилизации.

Изменение территориальных границ государства-цивилизации, региона-цивилизации не препятствует решающим образом сохранению их качественной определенности. Поэтому в современных условиях развития нашей страны и других государств мира, в которых не решены территориальные проблемы, акцент именно на гецивилизационной безопасности может принести не только теоретические, но и практические результаты, не достижимые при использовании иных подходов. Активизация гецивилизационных механизмов интеграции является магистральным направлением преодоления приграничных конфликтов на постсоветском пространстве.

Рассмотрение гецивилизационной безопасности в качестве ключевого видового понятия позволяет выявить те противоречия и свойства, которые возникают в результате функционирования и взаимодействия различных подсистем гецивилизации, что способствует противодействию наиболее серьезным угрозам безопасности этих подсистем.

Гецивилизационная система, образуемая во взаимодействии цивилизационных и иных социальных, информационных и техногенных подсистем, представляет собой один из основных уровней социокультурной организации и обладает такими качественными особенностями, учет которых при исследовании проблем безопасности государств и иных социальных систем позволяет преодолевать препятствия, наметившиеся в иных исследовательских подходах.

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Структура гецивилизации позволяет адекватно отражать взаимодействие и взаимообусловленность основных уровней безопасности (глобального, регионального и локального). В системе гецивилизации сферы выделяют также межрегиональные и межконтинентальные общности типа «Старый Свет» и «Новый Свет», «Север» и «Юг», что дает возможность изучать проблемы безопасности этих общностей во взаимодействии с региональными и локальными образованиями с использованием единого категориально-понятийного аппарата: на всех уровнях в качестве основного объекта безопасности фигурирует гецивилизация, ее основные подсистемы, элементы. В рамках иных подходов решение этой задачи влечет необходимость введения новых понятий, что приводит к громоздкости исследовательского инструментария.

Подытоживая изложенное, целесообразно привести следующее определение одного из ключевых понятий гецивилизационного подхода: **гецивилизационная безопасность** — это свойство объектов общественного бытия сохранять существование и продолжать жизнедеятельность за счет выполнения своего назначения в системе гецивилизации.

Рассмотрение гецивилизационной безопасности в качестве основного вида безопасности на локальном уровне позволяет более полно исследовать проблемы безопасности таких традиционно выделяемых объектов, как личность, общество и государство, выявить взаимосвязи этих объектов в единой системе гецивилизации, учитывать в их развитии преемственность с предшествующими формами социальности. Стереотипное моделирование личности, общества и государства в качестве противоборствующих субъектов истории удастся заменить с помощью категорий гецивилизационного подхода на формирование общего предназначения этих субъектов в процессе обеспечения гецивилизационной безопасности.

Специфика обеспечения гецивилизационной безопасности определяется свойствами объектов и субъектов гецивилизационной безопасности. Эффективное обеспечение гецивилизационной безопасности основывается на качествах субъекта обеспечения, определяющих его способность адекватно и своевременно адаптировать цели, задачи, средства, формы организации собственной жизнедеятельности и оказывать управляющее воздействие на иные подсистемы гецивилизации. В зависимости от определенных форм и уровней социальной организации субъектов обеспечения гецивилизационной безопасности могут представлять народы, государства, общественные институты, социальные группы, личности.

Учет специфики гецивилизационной безопасности играет также важную роль в процессе обеспечения иных видов безопасности. Так, например, в процессе обеспечения экономической безопасности современных государств необходимо учитывать, что рыночные механизмы сложились в процессе развития западной цивилизации в XVII—XVIII веках, когда вступили во взаимодействие различные факторы — религиозные, этические, экономические и политические, — характерные именно для Европы того времени, образовав феномен, названный М. Вебером «дух капитализма» [Вебер 1990, с. 77, 78]. Поэтому попытки переноса западной экономической модели на иную цивилизационную почву обречены на неудачу: или оставаясь экономически неэффективными, или, при временном успехе, разрушая цивилизационную специфику реципиента. «Фундаментальный закон взаимоотношения между цивилизациями — невозможность заимствования по выбору того или иного элемента иностранной культуры без того, чтобы не оказаться в зависимости от этой иностранной культуры» [Тойнби 1991, с. 459]. Обеспечение экономической безопасности основывается на построении цивилизационно-самобытного механизма хозяйствования. Государство в лице властных элит призвано регулировать этот процесс.

Приведенные положения дают основание для утверждения состоятельности формирования гецивилизационного подхода к исследованию проблем развития и безопасности различных социальных объектов. Данный подход позволяет интегрировать результаты исследований, проводящихся в рамках иных направлений, систематизировать знания в сфере безопасности и достичь качественно нового уровня в научном обосновании разрешения проблем развития и безопасности социально-политических систем различных культурно-исторических традиций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Послание Президента Российской Федерации Медведева Д. Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 13.11.2009).
2. Арзаманова Т.В., Арзаманов В.Г. Политика безопасности Германии на рубеже веков: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2001.
3. Арин О.А. Россия: ни шагу вперед. М.: Эксмо, 2003.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
5. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004.
6. Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9. С. 90—114.
7. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт / Пер. с англ. М.: Прогресс — Литера, 1993.
8. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
1. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Medvedeva D. Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii 12 noyabrya 2009 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (Data obrashcheniya: 13.11.2009).
2. Arzamanova T.V., Arzamanov V.G. (2001). Politika bezopasnosti Germanii na rubezhe vekov: Analiticheskii obzor. INION RAN, Moskva.
3. Arin O.A. (2003). Rossiya: ni shagu vpered. Eksmo, Moskva.
4. Bzhezinskii Z. (1998). Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
5. Bzhezinskii Z. (2004). Vyor. Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo. Per. s angl. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
6. Bolotin B. (2001). Mirovaya ekonomika za 100 let. In: Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. N 9. Pp. 90—114.
7. Burstin D. (1993). Amerikantsy: kolonial'nyi opyt. Per. s angl. Progress — Litera, Moskva.
8. Veber M. (1990). Izbrannye proizvedeniya. Per. s nem. Progress, Moskva.

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Глагол, 1995.
10. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
11. Гаджиев К.С. Политическая наука. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1995.
12. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. СПб.: Изд. дом «Кристалл», 2002.
13. Ерасов Б.С. О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // Цивилизации и культуры / Редкол.: Ерасов Б.С. и др. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. Вып. 3. С. 86—102.
14. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002.
15. Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995.
16. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 261—291.
17. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис (Политические исследования). 1995. № 4. С. 6—17.
18. Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2002.
19. Колесникова М.И., Борзунов В.Ф. Цивилизация: современный облик // Социально-политический журнал. 1992. № 10. С. 75—81.
20. Концепция «национальной безопасности» в современной американской политологии. Научно-аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 1994.
21. Кураев А. Вызов экуменизма. М.: Благовест, 1997.
22. Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
23. Миф об этническом многообразии в США // США – экономика, политика, идеология. М.: ИСКРАН, 1995. № 11. С. 93—100.
24. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.
25. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Цивилизации и культуры. Вып 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Институт востоковедения РАН, 1995. С. 51—67.
26. Пантин В.И. Логика разума или страстей // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 100—102.
27. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002.
28. Проблемы американистики. Вып. 9. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура, М.: МГУ, 1993.
29. Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1989. Т. 1.
30. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политическая литература, 1992.
31. Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации — условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. статей. М.: Наука, 1998. (Памятники исторической мысли). С. 58—74.
32. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П. М.: Прогресс, 1991.
33. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
34. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002.
35. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 480—481.
36. Ходаковский Е.А. Глобализация как фактор кризиса и безопасности государства // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика – 2001. Т. 3. М.: Институт проблем управления РАН, 2002. С. 82—89
37. «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликация // Полис (Политические исследования). 1995. № 1. С. 121—165
9. Danilevskii N.Ya. (1995). Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. 6-e izd. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Glagol, S.-Peterburg.
10. Delyagin M.G. (2003). Mirovoi krizis: Obshchaya teoriya globalizatsii. INFRA-M, Moskva.
11. Gadzhiev K.S. (1995). Politicheskaya nauka. 2-e izd. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
12. Gumilev L.N. (2002). Tysyacheletie vokrug Kaspiya. Izd. dom «Kristall», S.-Peterburg.
13. Erasov B.S. (1996). O geopoliticheskom i tsivilizatsionnom ustroenii Evrazii. In: Tsivilizatsii i kul'tury. Redkol.: Erasov B.S. i dr. Institut vostokovedeniya RAN, Moskva. Vyp. 3. Pp. 86—102.
14. Erasov B.S. (2002). Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'. Otv. red. N.N. Zarubina. Nauka, Moskva.
15. Il'in I.A. (1995). Rodina i my. Smolensk.
16. Inglegart R. (1999). Modernizatsiya i postmodernizatsiya. In: Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. Academia, Moskva. Pp. 261—291.
17. Kara-Murza A.A., Panarin A.S., Pantin I.K. (1995). Dukhovno-ideologicheskaya situatsiya v sovremennoi Rossii: perspektivy razvitiya. Polis (Politicheskie issledovaniya). N 4. Pp. 6—17.
18. Kiselev S.G. (2002). Osnovnoi instinkt tsivilizatsii i geopoliticheskie vyzovy Rossii. Izvestiya, Moskva.
19. Kolesnikova M.I., Borzunov V.F. (1992). Tsivilizatsiya: sovremennyi oblik. Sotsial'no-politicheskii zhurnal. N 10. Pp. 75—81.
20. Kontseptsiya «natsional'noi bezopasnosti» v sovremennoi amerikanskoi politologii. Nauchno-analit. obzor. INION RAN, Moskva. 1994.
21. Kuraev A. (1997). Vyzov ekumenizma. Blagovest, Moskva.
22. Medushevskii A.N. (1993). Istoriya russkoi sotsiologii. Vysshaya shkola, Moskva.
23. Mif ob etnicheskom mnogoobrazii v SShA. In: SShA – ekonomika, politika, ideologiya. ISKRAN, Moskva. 1995. N 11. Pp. 93—100.
24. Narochnitskaya N.A. (2004). Rossiya i russkie v mirovoi istorii. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
25. Panarin A.C. (1995). Rossiya v Evrazii: geopoliticheskie vyzovy i tsivilizatsionnye otvety. In: Tsivilizatsii i kul'tury. Vyp 2. Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya. Institut vostokovedeniya RAN, Moskva. Pp. 51—67.
26. Pantin V.I. (1995). Logika razuma ili strastei. Polis (Politicheskie issledovaniya). N 1. Pp. 100—102.
27. Primakov E.M. (2002). Mir posle 11 sentyabrya. Mysl', Moskva.
28. Problemy amerikanistiki. Vyp. 9. Kontseptsiya «amerikanskoi iskl'yuchitel'nosti»: ideologiya, politika, kul'tura. MGU, Moskva. 1993.
29. Solov'ev V.S. (1989). Filosofskaya publitsistika. Soch. v 2-kh tomakh. Pravda, Moskva. T. 1.
30. Sorokin P.A. (1992). Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Politicheskaya literatura, Moskva.
31. Titarenko M.L. (1998). Zhiznestoikost' i stabil'nost' kitaiskoi tsivilizatsii – uslovie razvitiya Kitaya po puti reform i modernizatsii. In: Vostokovedenie i mirovaya kul'tura. K 80-letiyu akademika S.L. Tikhvinskogo: Sb. statei. Nauka, Moskva. (Pamyatniki istoricheskoi mysli). Pp. 58—74.
32. Toinbi A.Dzh. (1991). Postizhenie istorii. Per. s angl. Sost. Ogurtsov A.P. Progress, Moskva.
33. Utkin A.I. (2003). Edinstvennaya sverkhderzhava. Algoritm, Moskva.
34. Utkin A.I. (2002). Mirovoi poryadok XXI veka. Eksmo, Moskva.
35. Khantington S. (1999). Stolknovenie tsivilizatsii? In: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii: Khrestomatiya. Sost., red. i vstup. st. B.S. Erasov. Aspekt Press, Moskva. Pp. 480—481.
36. Khodakovskii E.A. (2002). Globalizatsiya kak faktor krizisa i bezopasnosti gosudarstva. In: Analiz sistem na rubezhe tysyacheletii: teoriya i praktika – 2001. T. 3. Institut problem upravleniya RAN, Moskva. Pp. 82—89.
37. «Tsivilizatsionnaya model'» mezhdunarodnykh otnoshenii i ee implikatsii. Polis (Politicheskie issledovaniya). 1995. N 1. Pp. 121—165.

Ходаковский Е.А. РАЗВИТИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

38. Цицерон. Диалоги о государстве — о законах. М.: Наука, 1994.
39. Шевченко В.Н. К современным спорам вокруг евразийской идеи // Социальная теория и современность. Вып. 18. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: РАГС, 1995. С. 32—47
40. Яновский Р.Г. Духовно-нравственная безопасность России // Социс (Социологические исследования). 1995. № 12. С. 39—47
38. Tsitseron. (1994). Dialogi o gosudarstve — o zakonakh. Nauka, Moskva.
39. Shevchenko V.N. (1995). K sovremennym sporam vokrug evraziiskoi idei. In: Sotsial'naya teoriya i sovremennost'. Vyp. 18. Evraziiskii proekt modernizatsii Rossii: «za» i «protiv». RAGS, Moskva. Pp. 32—47.
40. Yanovskii R.G. (1995). Dukhovno-nravstvennaya bezopasnost' Rossii. Sotsis (Sotsiologicheskie issledovaniya). N 12. Pp. 39—47.

**DEVELOPMENT AND SECURITY
IN THE GEOCIVILIZATIONAL COORDINATE SYSTEM**

Evgeny A. Khodakovsky, Doctor of Political Sciences, expert at Fund of National and International Security
E-mail: khodakovsky@bk.ru

Diversity of the problems of development and security, their contradictory nature and the interconnectedness are manifested in the history of the different states and nations, social groups, the life of every person. These problems have a fundamental character, determined by the underlying sense grounds of the evolution of mankind. So their comprehension is in need of an integrated, interdisciplinary research tools, basic provisions and key categories which are produced by the author in the framework of the geocivilization approach.

In the mainstream of this approach security can be researched as a dynamic category, the essence of which is manifested in the capacity of the basis and prerequisite for development. With this content security was defined by its ontological, substantive and functional components.

The security of social systems is closely linked with the policy. In the sphere of ensuring the security of states should also take into account the results of modernization.

Keywords: geocivilization, State-civilization, empire-civilization, civilization-region, security, providing security, modernization security policy geocivilizational security.